

Иван ОСИПОВ

«Таинства и возрождение Церкви»

Под таким заглавием в № 9 «Церк<овного> обн<овления>» была помещена статья В. Ф. Эрн.

Статья исполнена глубокого религиозного интереса. Речи о возрождении Церкви праздны, если в ней не сохранилось ни одной святой точки. Тогда нечему возрождаться; Церковь исчезла, ее надо создавать вновь.

Но если в Церкви сохранился хотя бы один святой уголок, речь о церковном возрождении получает реальное значение. Тлеющую искру нужно раздуть в яркое пламя — и цель достигнута.

Святую точку в Церкви В. Ф. Эрн видит в таинствах. Постановка вопроса глубоко религиозная. Нигде так ярко не выступает в Церкви божественная сила, нигде так рельефно не свидетельствуется вера христиан, как в таинствах.

Автор ничего не доказывает, а только свидетельствует свою веру; положение и с этой стороны исполнено живого интереса.

Но в нас статья г. Эрн вызывает некоторые недоумения.

Г. Эрн признает таинства Церкви.

Г. Эрн относится отрицательно к официальной Церкви.

Мы старались под *x* и *y* — (таинства и официальный) подставить реальные величины и на основании статьи могли прийти только к постановке вопроса: где кончается признание и где начинается отрицание?

Признать таинства значит признать весьма много. Это яснее можно видеть на отдельных таинствах.

Возьмем крещение. Крещение — таинство, следовательно, г. Эрном признается. Но крещены решительно все члены официальной Церкви. Объем действия таинства совпал с пределами официальности. Единственная неповрежденная точка церковности разрослась до периферии официальной Церкви.

Что же реально будет означать отрицание официальности при ее встрече с действием крещения? Все ли крещенные признаются, или часть их отрицается, какая и почему? Все ли в крещеном признается, что и почему? Где критерий для проведения точной границы между освященным крещением и определенным официальностью? До тех пор, пока эта граница не проведена, еще нет подлежащего, над которым можно трудиться всякому ревнителю возрождения.

Не менее затруднений возникает и с таинством священства. Рукоположены решительно все священники и епископы официальной Церкви, до членов Св. Синода включительно. Утверждение, что таинство есть лишь там, где оно переживается, еще не решает вопроса. Требуется произвести фактическое распределение между священниками посвященными и рукоположенными, или же в психологии священника провести границу между переживаниями священства и переживаниями сродными и инородными. Признающему таинство священства трудно решить вопрос даже о своем собственном христианском достоинстве. Положим, я данное таинство переживаю, но по моей вере в этом переживании, хотя и иначе, должен участвовать и совершающий его священник, между тем, быть может, для меня нет возможности убедиться ни в том, было ли здесь переживание с другой стороны, и есть ли налицо даже подлинное священство. Еще труднее здесь решать вопрос о других, если у нас есть склонность решать его отрицательно. Какое я могу иметь право утверждать что-либо с положительностью о моем брате, когда духа человеческого никто не знает, кроме его самого? И что, например, мирянин может утверждать о таинстве священства, когда он его реально не пережил?

Не меньшие трудности создаются и прочими таинствами, о которых мы умолчим.

Не нащупывается ли кроме таинств еще какой то мистический остаток, который один только и даст возможность разрешить все недоумения, вызываемые вопросом о таинствах?

Одно же признание таинств как единственной точки соборной церковности кажется, не в состоянии вывести нас из круга официальной церковности.

